

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ»

ЧАСТЬ I: «ВНЕШНИЙ КОНТЕКСТ РЕФОРМ, КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ДИСКУССИИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И ОЦЕНКА ПРОЦЕССА УГЛУБЛЕНИЯ РЕФОРМ В КИТАЕ»

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 января 2019 <i>Принята к печати:</i> 13 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует материалы круглого стола «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть I: «Внешний контекст реформ, китайско-американские отношения реформ в Китае», посвященного всему комплексу вопросов, связанных с итогами и перспективами 40-летнего периода реформ и открытости в КНР. На мероприятии выступили и приняли участие в дискуссии исследователи МГИМО МИД России, ИДВ РАН, РУДН, ИВ РАН, НИУ ВШЭ, ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, НИИ ВИ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, РИСИ, МГУ имени М.В. Ломоносова.</p> <p>Ведущие российские эксперты обсудили внешний контекст проведения реформ, характер экономической либерализации по мере углубления реформ, последствия политики отказа от «сокрытия возможностей», возможности ослабления напряженности в китайско-американских отношениях, «капитуляции» Китая на американских условиях, а также в целом перспективы экономических реформ в Китае и экономическое развитие Китая в отдаленном будущем.</p>
<p>Ключевые слова: Китай; КНР; реформы; внешний контекст реформ; китайско-американские отношения; либерализация; открытость; развитие Китая</p>	

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Центр комплексного Китаеведения и региональных проектов
При поддержке журнала «Сравнительная политика»

*Ведущий круглого стола – директор ЦКК и РП МГИМО МИД России,
д.полит.н., доктор философии (Манчестерский университет),
профессор А.Д. Воскресенский*

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

БОРОХ Ольга Николаевна, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **ВИНОГРАДОВ** Андрей Владимирович, главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения

и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор РУДН; **ВОРОНЦОВ** Александр Валентинович, руководитель отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД

России; **ВОСКРЕСЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич**, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ГАЛЕНОВИЧ Юрий Михайлович**, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; **ДИКАРЕВ Андрей Дмитриевич**, ведущий научный сотрудник Центра Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России; **ЕФРЕМОВА Ксения Александровна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КАШИН Василий Борисович**, заведующий сектором Центра комплексных Европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН; **КИРРЕВА Анна Андреевна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КОЛДУНОВА Екатерина Валерьевна**, ведущий эксперт Центра АСЕАН, заместитель декана Факультета международных отношений, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КУЗНЕЦОВ Денис Андреевич**, преподаватель кафедры мировых политических процессов, научно-технический сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; **ЛОМАНОВ Александр Владимирович**, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова; **ЛУКОНИН Сергей Александрович**, заведующий сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **НАЗЕМЦЕВА Елена Николаевна**, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ; **ОСТРОВСКИЙ Андрей Владимирович**, заместитель директора, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **РУМЯНЦЕВ Евгений Николаевич**, старший научный сотрудник РИСИ; **ФЕДОРОВСКИЙ Александр Николаевич**, заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **ЮДИНА Тамара Николаевна**, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

А.Д. Воскресенский. Наша задача сегодня не только осветить основные достижения китайских реформ за последние 40 лет и оценить современное состояние дел в этой области. Я бы хотел посмотреть на реформы в Китае с исторической точки зрения. Процесс реформ в Китае в действительности гораздо более глубокое явление, которое имеет ярко выраженный исторический характер.

Можно выделить два главных этапа реформ на протяжении практически всей истории Китая. Дело в том, что в Китае был такой период, когда реформы и модернизация проводились без открытости – это и есть первый этап реформирования в Китае. Потом наступил такой период в истории Китая, начиная с конца XIX в. когда реформы и модернизация стали сопровождаться открытием страны. Если смотреть с точки зрения исторической перспективы, то специфика современного периода (т.е. примерно последних 40 лет) как раз и заключается в небывалой до этого открытости китайского общества новациям из за рубежа, которые сопровождают реформы, модернизируя Китай в гораздо более глубокой форме, чем на первом историческом этапе, или даже в начальный период второго этапа. В тоже время Китай столкнулся с невиданными ранее вызовами, которые поставили его перед развилкой в своем развитии.

Начнем анализ процесса реформ в исторической перспективе с первого, начального этапа социального, политического и экономического реформирования Китая. Интересный исторический факт, которому по какой-то причине мало уделяется внимания, состоит в том, что в действительности один из первых реформаторов Китая – Конфуций, который начал проводить реформы в царстве Лу в период еще до нашей эры. Об этом периоде деятельности Конфуция известно немного. Однако российское китаеведение по этому вопросу вполне на мировом уровне, поскольку выдающийся китаевед Л.С. Переломов в своих монографических исследованиях подробно осветил социально-политическую деятельность Конфуция, связанную с теоретическими и практическими аспектами главной социальной новации Китая того времени – концепции государства, возможностями его форматирования и реформирования¹. Первой из наиболее извест-

¹ Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». – М., 1998. – С. 474. [Perelomov, L.S. Konfutsiy: «Lun' yuy» (Confucius: «Lunyu»). Moscow, 1998. P. 474]; Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М., 2007. [Perelomov, L.S. Konfutsianstvo i sovremennyy strategicheskiy kurs KNR (Confucianism and the Modern Strategic Course of the PRC). Moscow, 2007.]

ных и четко концептуализированных попыток реформ в Китае стали реформы периода Чжаньго (5-3 вв. до н.э.), известные как реформы Шан Яна, предложившего и даже осуществившего программу социально-экономических реформ китайского общества. Хорошо известны также реформы Ли Сы периода правления императора Цинь Шихуана, на основе которых, собственно, и было построено первое централизованное государство в истории Китая.

Следующий цикл реформ связан с экономическими реформами периода правления императора У Ди (140-87 гг. до н.э.), далее с реформами Дун Чжуншу (187-120 гг. до н.э.). Потом последовали реформы Ван Мана (9-23 гг. н.э.), Сыма Яня (265-289 гг. н.э.), цикл реформ периода «золотого века» трех великих династий Суй, Тан и Сун. При династии Тан появилась уже целая когорта реформаторов Китая, таких как Фань Чжунъянь (989-1052 гг.), Оуян Сю (1007-1072) и др. Самой известной попыткой реформ периода династии Тан были реформы *цзайсяна* (канцлера) Ван Аньши (1021-1086), последователя Фань Чжунъяня. В Сунский период китайской истории теоретиком и практиком управления Ли Гоу (1009-1059) был создан цикл трактатов «План обогащения государства» («Фу го цэ»), «План усиления армии» («Цян бин цэ») и «План успокоения народа» («Ань минь цэ»), которые кодифицировали опыт реформаторской деятельности в Китае вплоть до 10 века.

Надо сказать, что судьба реформаторов в истории Китая была разная: некоторые были отправлены в отставку, но реформы при этом продолжались, некоторые даже лишились жизни, как, например, Шан Ян или Ван Ман. Другие, как Конфуций или Ван Аньши, были отправлены в отставку или сами уходили со своих постов под давлением политических обстоятельств. К эпохе Мин (1368-1644), к последней собственно китайской династии, определились общие составляющие всего периода реформ вплоть до конца Нового времени: наличие циклов централизации и децентрализации на протяжении всей истории Китая. Но, конечно, как на первом, так и на втором историческом этапе китайских реформ модернизация не сводилась только к периодической смене циклов, рассматривать реформы таким образом, конечно, было бы упрощением. Проводились разного рода экономические меры, но всегда в истории Китая реформы дополнялись идеологическим, доктринальным наполнением и наоборот – любые идеологические реформы имели свою экономическую подоплеку, экономические последствия. Реформы и модернизация в Китае всегда сопровождалась политической

борьбой, явной или скрытой. В ходе этой борьбы использовались и внешние силы, которые, как правило, либо ослабляли страну, либо приводили к установлению иностранного управления.

Вопросы внешней политики и необходимости открывать страну для углубления реформ стали ставиться в китайских реформаторских доктринах только к концу Нового времени в завершающий период правления династии Цин (1644-1912). Тогда впервые встал вопрос *о политике реформ, модернизации и открытости*. На новом историческом этапе реформ и модернизации в Китае (на рубеже Нового и Новейшего времени) можно выделить своеобразные волны модернизации. Первая – политика «самоусиления» (*цзыцян*) и политика «заморских дел» (*янью юньдун*), связанные с поражением Китая в Опиумных войнах, а также с последствиями франко-китайской и китайско-японской войн. Далее надо отметить движение за реформы 1895-1898 гг. Это была неудачная попытка модернизации «сверху» в условиях национального и элитного раскола. Кризис 1911-1912 гг. привел к изменению политического строя Китая и образованию республики. С этого времени в Китае начинается ускорение политических процессов и усиление влияния политических изменений на экономическую ситуацию в стране. Однако, очевидно, что изменения в Китае были половинчатыми, они в итоге привели к краху экономической системы и необходимости авторитарной модернизации под эгидой Нанкинского Гоминьдана, приведшей к развитию тенденций правого тоталитаризма. В конечном счете эти политические и экономические изменения привели к гражданской войне и краху правления Гоминьдана на материке.

С этого момента в развитии китайского общества появляется политическая развилка, поскольку Китай начинает развиваться как бы по двум линиям и в своих двух разных географических ипостасях – материковой и островной. С одной стороны начинается осуществление «тайваньской модели» реформ и модернизации, развитие которой имеет свою логику, которую мы сегодня не обсуждаем. На материке же конституируется политический режим Китайской Народной Республики на основе идеи «новой демократии», которая потом, также под влиянием политических обстоятельств, трансформируется в советскую модель модернизации. Далее на материке снова произошел идеологический раскол и под руководством Мао Цзэдуна возобладала мобилизационная модель лево-тоталитарного толка, приведшая де-факто ко второй гражданской войне на материковом Китае (так называемая «Великая пролетарская культурная револю-

ция»). Крах лево-тоталитарных реформ породил волну реформирования, на основе экономической открытости, за которой должна была последовать и усиливающаяся политическая демократизация. Но этом этапе в КНР фактически снова произошла уже мини гражданская война (события на площади Тяньаньмэнь 1989 г.), в ходе которой были отодвинуты от политической власти Ху Яобан и Чжао Цзызыян и была сформирована модель Дэн Сяопина, получившая название «социализм с китайской спецификой». Эта модель предполагала дальнейшее экономическое реформирование и открытость, но под более жестким контролем КПК. В ходе этого этапа реформ произошла «заморозка» политической составляющей реформ, но началось медленное формирование плюрализма собственности на основе построения экономики смешанного типа, а потом понемногу стали осуществляться реформы политического характера на низовом уровне с целью повышения эффективности хозяйственных механизмов.

Реформы на основе концепции «социализм с китайской спецификой» также прошли целый ряд этапов перехода от командно-административной к контролируемой рыночной экономике. На начальном этапе слом лево-радикальной модели реформирования приобрел «шоковый характер» – печально знаменитые коммуны Мао Цзэдуна и его последователей были отменены буквально в один миг – четыре года на фоне многотысячелетней китайской истории – это всего лишь миг времени. Главенствующую роль в реформах играла КПК, которая держала под контролем весь ход преобразований. Именно таким путем в Китае произошло внедрение рынка в экономику, которое сопровождалось неравномерностью распределения национального дохода при создании экономики экспортного типа под образным названием «сборочный цех мира». На завершающей стадии «дэнсяопиновского» этапа реформ китайская экономика стала приобретать новые характеристики. Удалось обновить общую инфраструктуру страны, Китай стал крупнейшим производителем инженеров (600 тыс. в год), его экспорт программного обеспечения увеличился в 11 раз, была разработана программа правительственного стимулирования экономики в ответ на кризис, упрощено проведение визовых процедур при въезде иностранных специалистов по информационным технологиям, введена китайская «грин-карта», был сформирован механизм монополюльно-преференциальной поддержки передовых отраслей со стороны госбюджета, на этой основе созданы 50 научных парков, разработана политика по приобретению международной сертификации и т.д.

В ходе изменения мировой экономической ситуации и финансово-экономического кризиса перед страной появились новые вызовы. Адекватный ответ на них потребует нового этапа напряженного развития страны при гармонизации отношений с окружающим миром. Новые вызовы и необходимость своевременного ответа на них были сформулированы в документах 19 съезда КПК. Это неравномерность и неполнота развития, невысокое качество и эффективность развития, недостаточно мощный инновационный потенциал, трудоемкость ликвидации бедности, большой разрыв между городом и селом, между регионами, разрыв в распределении доходов населения, трудности в области занятости, сложности в повышении качества образования, медобслуживания, обеспечения достойной старости. Был сделан акцент на проведение работы, направленной на усиление верховенства закона в управлении государством и была отмечена необходимость наращивать систему государственного управления и контроля². Внешние условия могут способствовать или замедлять реформы, но давать ответы на эти вызовы, тем более, что они открыто и четко были сформулированы руководителем Китая на 19 съезде КПК все равно придется. Ответ на эти вызовы потребует больших интеллектуальных усилий по разработке программы гармоничного развития Китая в посткризисном мире.

Сегодня мы наблюдаем начало нового большого этапа в истории Китая. В экспертном сообществе идет дискуссия по вопросу, продолжит ли Китай реформы дальше, сможет ли он гармонизировать свое развитие с внешним миром. В Китае поставлена задача догнать и перегнать развитые страны по уровню жизни населения с помощью импорта иностранных технологий и создания оригинальных технологий на собственной основе, чтобы поставить Китай в центр мировой системы, основанной на новых факторах производства. Такую задачу безуспешно пытался решить Мао Цзэдун на основе леворадикальной тоталитарной модели опоры на собственные силы в закрытой стране. Эта модель не просто потерпела крах, она поставила Китай на грань национальной катастрофы. Сегодня осуществление задачи возрождения китайской нации

² Основные тезисы доклада XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (на кит., русск., англ.). – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2018. [Osnovnyye tezisy doklada XIX Vsekitayskogo s'yezda Kommunisticheskoy partii Kitaya (The Main Theses of the Report of the XIX Chinese Congress of the Communist Party of China (in Chinese, Russian, English)). Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 2018.]

невозможно как без гармонизации внутренних сфер жизни, так и без гармонизации модели развития Китая с внешним миром. Пока мы не знаем, в каком виде Китай даст ответ на эти новые вызовы, сформулированные в документах 19 съезда КПК. При продолжении реформ Китай неизбежно столкнется с необходимостью преодоления полярных точек зрения в выработке политики своего дальнейшего развития. Не смотря на все сложности развития Китая на современном этапе возможность продолжать осуществление «китайской мечты» – дальнейшее, уже самоподдерживающееся, гармоничное развитие Китая в гармонично развивающемся мире – остается. Но осуществление этой задачи в нынешних условиях мирового развития будет весьма не простым.

На нашем круглом столе предполагается обсудить следующие вопросы:

Главный вопрос для обсуждения: Перспективы китайских реформ в изменившемся мире — сможет ли Китай продолжать успешные преобразования в условиях соперничества с США?

1. В 2018 году китайско-американские отношения перешли от сотрудничества, которое длилось свыше четырех десятилетий, к соперничеству. Означает ли это, что внешний контекст проведения реформ изменился радикальным и необратимым образом?

2. Одна из претензий американской стороны сводится к тому, что Китай не оправдал ожиданий и не пошел по пути либерализации по мере углубления реформ. Как оценивать эту проблему? Ожидания Запада были необоснованными изначально? Либо в процессе реформ произошел существенный поворот, который привел к отклонению от ожидаемой цели?

3. В 2017 году Си Цзиньпин заявил, что Китай завершил этап «обогащения» и начинает этап «усиления». Можно ли на этом основании говорить о том, что реформаторская экономическая политика Дэн Сяопина уже стала частью истории?

4. Сходный вопрос можно задать в сфере внешней политики. В 1992 году Дэн Сяопин сформулировал «политику сокрытия возможностей», которая была пересмотрена при Си Цзиньпине в пользу «политики активных действий». В 2018 году в ходе неформальных дискуссий в китайском интернете звучали упреки в адрес властей, якобы спровоцировавших этим шагом США на ужесточение политики на китайском направлении. Насколько обоснованы эти суждения? Будет ли Китай пытаться вернуться к «сокрытию возможностей»? Принесет ли это ослабление напряженности?

5. Торговая война замедляет темпы роста экономики КНР. Достаточно ли у Вашингтона

торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях? Как повлияет гипотетическое принятие полного набора американских требований на перспективы экономических реформ в Китае?

6. Торможение экономики под давлением извне подталкивает китайские власти к поиску дополнительных рычагов стимулирования роста. Каких шагов следует ожидать? Следует ли опасаться их негативного влияния на экономическое развитие Китая в отдаленном будущем?

7. Китайские реформы нацелены на обретение мирового лидерства в науке и технике. Достижение этой цели повлияет на мировой статус Китая, и руководство страны понимает это. Чего ждать в условиях конфронтации с США? Эта цель не будет достигнута никогда, она будет осуществлена с опозданием, либо за счет напряженные ресурсов выполнена досрочно?

8. Куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом – в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы»? В какой мере и в каком виде эти два направления могут сочетаться друг с другом?

9. Тема политических реформ в Китае ушла на задний план. Как долго может продолжаться подобная «заморозка»? Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических реформ?

10. Китай заявляет об «уверенности в пути, теории и строе» социализма с китайской спецификой. Закончился ли период идейной открытости Китая внешнему миру? Какие идеи и концепции влияют на китайские реформы в наши дни – западные, марксистские, какие-то иные?

11. Есть ли основания говорить о появлении в ходе продвижения китайских реформ общезначимой «китайской модели», которая может быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам? Может ли Россия на нынешнем этапе заимствовать какие-либо компоненты «китайской модели»? Как следует реагировать на попытки заимствования «китайской модели» странами постсоветского пространства?

12. Существует ли вероятность того, что вокруг Китая будет формироваться новый экономический «полос» современного мира? Какие выгоды и какие проблемы ждут тех, кто будет пытаться к нему присоединиться?

А.Н. Федоровский. Прежде всего целесообразно уточнить термины, употребляемые в ходе дискуссии. Термин «сотрудничество» едва ли может охарактеризовать китайско-американские отношения после начавшихся в КНР сорок лет

назад реформ. На каком-то временном отрезке и в каких-то форматах – возможно стороны и говорили о *сотрудничестве*. В любом случае это была удобная журналистская и дипломатическая «фигура речи». Но едва ли данный термин подходил в качестве исчерпывающей оценки американо-китайского взаимодействия. *Сотрудничество* представляется механизмом реализации межгосударственного *партнерства*, которое формируется на базе *союзнических отношений* и/или в случае возникновения *доверия между национальными элитами*. Применительно к китайско-американским отношениям об этом едва ли можно говорить в пореформенном периоде в Китае, а также в обозримой перспективе.

В этом контексте следует также оценить широко используемые сейчас термины *конфронтация* или *соперничество в политике*, *конкуренция* или *противостояние в экономике*.

Сочетание *конфронтации* в политике и *противостояния* в экономике могут крайне негативно сказаться не только на Китае, но и на США, а также на всем существующем мировом порядке. Это действительно могло бы стать глобальной проблемой номер один. Между тем *соперничество* в политике и *конкуренция* в экономике – это сочетание близкое к оптимальному для таких глобальных держав как КНР и США, формирующее естественный фон для всей гаммы двусторонних отношений, а также для международных связей на региональном и глобальном уровнях. Это та форма сосуществования, которая не закрывает возможности политического взаимодействия и экономической кооперации на многих стратегически важных направлениях, обеспечивая безопасность и развитие на региональном и глобальном уровнях. В то же время каждая из сторон не отказывается от собственных приоритетов во внутренней и внешней политике в той мере, в какой они не угрожают жизнеспособности противоположной стороны.

В этих условиях в долгосрочной перспективе взаимозависимость (хотя и при сохраняющемся перекосе ее в пользу США) китайской и американской экономик определяет высокую степень вероятности компромиссного решения кризиса американо-китайских отношений, включающего, с одной стороны гибкость американского подхода к КНР, с другой стороны, уступки Китая во внешнеэкономической политике.

Характер проблем китайско-американских отношений едва ли может быть выражен тем, что Пекин не оправдал ожиданий Вашингтона, разочарованного теми или иными (главным образом внутренними) аспектами действий КНР. Внутренняя трансформация Китая безусловно важная, но

не приоритетная на данном этапе тема для США. Главная задача, которую стремятся решить американские элиты на протяжении последних двух десятилетий – интегрировать Китай в возглавляемый США мировой экономический порядок, прежде всего на региональном уровне в АТР.

Дж. Буш пытался добиться поставленной цели в рамках «Стратегического экономического диалога», в максимальной степени стремясь локализовать внешнеэкономическую экспансию Китая в рамках направлений, объемах и форматах, устраивающих США. Расчет строился из вероятности сохранения модели – инвестиции и связанные с ними высокие технологии – закрепляются за США, капиталовложения в труд и технологии среднего уровня – за Китаем, что позволило бы американскому и китайскому бизнесу поддерживать высокий уровень обменов в сфере финансов, технологий и торговли, и одновременно действовать на параллельных рынках, в минимальной степени подрывая интересы друг друга. Однако приоритеты бурно развивающегося Китая объективно выходили за рамки, намечаемые для него США, и в последний год президентства Дж. Буш обратился к идее Транстихоокеанского партнерства (ТТП), реализовать которую уже не мог из-за дефицита времени.

Осознав неудачу политики предшественника, Б. Обама открыто поставил цель – поставить Китай перед сформулированными США правовыми условиями интеграции в рамках ТПП. Однако отказ КНР принять к исполнению разработанную без его участия модель региональной интеграции существенно обесценили значение ТТП для США.

Наконец, Д. Трамп, за счет давления на двустороннем уровне, рассчитывает заставить Пекин либерализовать доступ на внутренний рынок Китая, признать американские условия научно-технического взаимодействия. И уже на этой базе выстраивать региональные и глобальные мегапроекты с участием Китая.

А.Д. Дикарев. Во-первых, многолетнее сотрудничество Китая и США в экономической сфере сопровождалось постоянным, а иногда весьма радикальным если не соперничеством, то противостоянием в сфере политической. Достаточно вспомнить хотя бы санкции, введенные против Китая после событий на Тяньаньмэнь, постоянное давление на Китай по вопросу о правах человека, по тибетской проблеме. США явно рассчитывали, что либерализация китайской экономики, поворот на рыночные рельсы, окончательно обозначившийся с начала 1990-х гг., в совокупности все то, что называлось «четырьмя модернизациями», неизбежно приведет страну

к модернизации внутривнутриполитической жизни по американскому, так называемому «демократическому» образцу. Как известно, этого не случилось, в Китае усиливается авторитарный тренд, что ставит под вопрос одно из фундаментальных положений западной политологии о том, что улучшение материальной жизни общества раньше или позже повлечет за собой политическую модернизацию в том или ином виде, а в конечном пределе – демократизацию политического строя.

Во-вторых, весьма резкие и противоречивые эскапады администрации Трампа в адрес Китая, которые принимают в последнее время характер «торговой войны», еще не дают возможности говорить о радикальной смене курса (с сотрудничества на соперничество). Слишком много связывает экономики Китая и США, слишком велик торговый оборот между двумя странами, чтобы можно было и далее безболезненно обмениваться выпадами в адрес массированного повышения импортных пошлин, которое, кстати, то объявляется, то откладывается. Двусторонний ущерб от подобных действий, надо полагать, осознается и в Китае, и в США. Да, соперничество (противостояние) налицо. Неким пиком в текущем году стал инцидент в начале октября в Южно-Китайском море с участием военных кораблей Китая и США. Но это соперничество геополитического свойства, в экономике же я не прогнозирую радикального обострения в отношениях, тем более коллапса торговых связей КНР-США. Элементы соперничества, разумеется, будут более ощутимыми, по мере хотя бы их переноса в сферу высоких и информационных технологий. Но тренд на торгово-экономическую кооперацию кардинально не изменится. Глобализация экономики необратима. Протекционизм Трампа – блюдо для внутреннего употребления.

То, что Китай не спешит вставать на путь либерализации по мере углубления реформ – вполне очевидно. Но вряд ли следует в этой связи говорить о неких «претензиях» Запада. Это сожаление, разочарование, ошибка в расчетах, в известной мере свидетельство некоего догматизма западной политологической мысли. Да, ожидания Запада оказались необоснованными, по крайней мере на нынешнем отрезке развития Китая. В ракурсе поставленного вопроса я не вижу какого-то существенного поворота, тем более «отклонения» от некоей цели в процессе углубления реформ в эпоху Си Цзиньпина. Возможны ли какие-то «либеральные» подвижки в политическом строе Китая – вопрос пока что не актуальный, в лучшем случае он откладывается на отдаленное будущее.

Что касается экономической политики и –

шире – социально-экономического строя Китая, то очевидно, что с середины 1990-х гг. рыночный курс становится необратимым, в Китае все больший удельный вес приобретает частный сектор, валовая продукция, произведенная в этом секторе, превышает в настоящее время продукцию госпредприятий. Это не что иное, как капитализм, но пытающийся стать социально ориентированным. Тем не менее, если говорить о продолжении курса на реформы при Си Цзиньпине и установке на доминирование рынка во всех отраслях (2013 г.), несколько настораживает информация о последних тенденциях к финансовой поддержке в первую очередь государственных предприятий, часто не слишком рентабельных. Так, по некоторым данным, в 2013 г. объем кредитов, выдаваемых частным предприятиям, составлял 57 % от всех кредитных банковских операций, а в 2016 г. соотношение резко изменилось в пользу государственных предприятий: 83% против 17%. Очевидно, что правительство Си Цзиньпина решает тем самым не столько экономические, сколько политические задачи по дальнейшему построению и «усилению» государственного капитализма с китайской спецификой.

Основная цель на обозримое будущее как в сфере внутренней, так и внешней политики сформулирована 19 съездом – «великое возрождение китайской нации». Китай все более открывается миру (теперь говорят уже о новой стратегии открытости – «открытия мира для Китая») и пытается усилить свои геополитические позиции. Достаточно вспомнить хотя бы изменение оборонительной стратегии Китая – переход от береговой обороны к «обороне в открытом море». КНР позиционирует свою внешнюю политику в соответствии с установками съезда (см. Раздел 3 отчетного доклада Си Цзиньпина) как «дипломатию великой державы» (*да го вай цзяо*). Будет очень странно, если при таких амбициозных целях произойдет возврат к политике «сокрытия возможностей» (*тао гуан ян хуй*). Да, появляется некоторая критика внешнеполитического курса, выдержанная в традиционных для китайской публицистики назидательных выражениях. Так, например, на конференции в конце сентября 2018 г. сын Дэн Сяопина Дэн Пуфан, говоря о стратегии КПК, призывал «искать истину в фактах, сохранять трезвомыслие, осознавать свои плюсы и минусы, избегать безрассудного поведения». Речь эта была воспринята в китайском истеблишменте как нападки на курс партии и подверглась цензуре. Да, существует, как указывали российские эксперты, опасность некоторого «стратегического овердрафта» в китайской внешней политике. Может ли позволить себе Китай сейчас тратить

все больше ресурсов на глобальные цели? Думается, руководство КНР понимает ситуацию, и поэтому в 2018 г. наблюдается некоторое торможение в сфере финансирования проектов ОПОП, а недавние встречи Си Цзиньпина с Синдзо Абэ и Р. Дутерте дают основания говорить о 2018 годе как о периоде некоего стратегического торможения внешнеполитической активности в целом, сопровождаемого тактического характера попытками дальнейшего укрепления региональных (АТР) позиций Китая. Не исключено, что к юбилейному декабрьскому Пленуму КПК хочет прийти, имея в активе как можно меньшее число откровенных конфликтов как внутри страны, так и за рубежом.

При этом курс на глобальное лидерство в свете установок 19 съезда сохраняется. «Китай будет и дальше продвигаться к центру мировой арене», – так формулируют китайские официальные лица внешнеполитические перспективы страны. Вместе с тем в лучших традициях эпохи Мао Цзэдуна современный Китай устами Си Цзиньпина провозглашает, что «каких бы успехов в развитии мы ни достигли, Китай никогда не провозгласит себя гегемоном, никогда не будет заниматься экспансией» и «никогда не будет претендовать на сферы влияния».

Следует отметить один любопытный нюанс: пассаж «никогда не будет претендовать на сферы влияния» – это вольное дополнение формулировки Си Цзиньпина китайским экспертом (См. «Китай», №11, 2017, с. 35). Сам Си Цзиньпин заканчивает свою тираду на «экспансии». Однако по факту Китай медленно, но верно превращается именно в такого мирового гегемона, в силу, определяющую развитие если не мировой политики и культуры, то, по крайней мере, мировой экономики. Заявленные на съезде цели развития Китая – это прямой вызов Соединенным Штатам Америки.

Вполне очевидно, что в будущем в одних зонах мира будет сильнее влияние США, в других – Китая. Даже если Китай «не претендует на сферы влияния», он своим существованием, экономической стратегией и политической «открытостью» неизбежно создает эти самые сферы, в первую очередь в Юго-Восточной Азии, значительная часть которой, как известно, истаря считается в Китае *«Pax Sinica»*.

В целом же, говоря о роли Китая в современном мире, можно согласиться с теми, кто отмечают как некоторое противоречие тот факт, что с одной стороны Китай позиционирует себя как защитника миропорядка, а с другой – призывает реформировать глобальное управление.

Е.Н. Наземцева. Очевидно, что ожидания Запада в отношении либерализации Китая были необоснованными изначально. Китай продолжает оставаться традиционным обществом, а следовательно, достаточно консервативным в отношении каких-либо политических новаций. Несмотря на период определенной открытости и реформ, эта тема, действительно, ушла на задний план. Вряд ли в ближайшем будущем возникнут серьезные факторы, которые изменят существующую обстановку. Особенно, учитывая осложнение международных отношений, характерное для сегодняшней политики. Любая нестабильность вызывает недоверие со стороны консервативно настроенных субъектов, а, следовательно, ведет к их дистанцированию от факторов нестабильности и, соответственно, к «закрытию». Традиционное общество, которым остается Китай, консервативно в принципе. Поэтому ожидать каких-либо кардинальных сдвигов в области политической жизни Китая не стоит. Для этого необходимы кардинальные изменения общественных устоев, но этого пока не произошло.

А.В. Виноградов. Влияние внешнего фактора на проведение китайских реформ, действительно, велико. Без иностранных инвестиций, технологий и рынков сбыта экономические реформы в КНР не достигли бы тех успехов, которые так удивляют мир. Не менее важным фактором была политическая поддержка китайским преобразованиям, с которыми, прежде всего, в США связывали надежды на трансформацию китайского общественного строя в сторону либерализации. Именно на этом была основана политика «вовлечения Китая» Б. Клинтона в первой половине 1990-х годов.

Несмотря на то, что отношения между двумя странами развивались неровно, случались не только прорывы, но и кризисы, как, например, после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, в целом, китайско-американские отношения развивались поступательно, взаимовыгодно, а вклад США в нынешнее экономическое процветание КНР существенен. Появление концепций «стратегической двойки» (*G2*), «Чимерики» и других в 2000-е годы выражали надежды США на установление особого характера отношений с нарождающимся экономическим гигантом и второй экономикой мира при сохранении своих позиций и мирового лидерства. Отказ китайского руководства от установления привилегированных, но не равноправных отношений стал предвестником их неизбежного обострения. Неожиданный кризис 2008 г. ускорил развитие Китая и приблизил момент обострения. Следует, вероятно, признать, что США не смогли в должной степени проана-

лизировать характер и стратегические перспективы развития КНР. В то время как китайское руководство, руководствуясь принципами политического реализма, достаточно точно рассчитывало траекторию движения и собственного социально-экономического развития и двусторонних отношений.

Проблема не только американской политической науки, заключается в том, что глубина проникновения в проблему и уровень экспертов в области внутренней политики и идеологии значительно ниже аналогичного уровня специалистов по международным отношениям. Так сложилось исторически в подавляющем большинстве стран мира. С самого начала китайских реформ каждое движение к экономической либерализации сопровождалось идеологическими ограничениями. Так, начало реформ, которое принято связывать с решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.), всего через 3 месяца было дополнено выдвижением Дэн Сяопином «4 основных принципов». И все последующие решения по строительству социалистической товарной, а затем и рыночной экономики сопровождалось усилением строительства социалистической духовной культуры, идеологическими кампаниями и теоретической учебкой, а лидеры, пытавшиеся выйти за установленные рамки, отправлялись в отставку (Чжао Цзяян).

Теоретические новации Си Цзиньпина вполне вписываются в эту сбалансированную стратегию. Нет никаких признаков того, что новый курс будет более либеральным, западным и менее социалистическим. Реформы Дэн Сяопина сегодня, действительно, выполнили свою историческую роль, курс Си Цзиньпина будет направлен на активное и эффективное использование экономического потенциала КНР на внешней арене, решительную и бескомпромиссную защиту национальных экономических и геополитических интересов. Время, когда Китая в решающей степени зависел от экономического сотрудничества с Западом, прошло, теперь это зависимость обоюдная. Все договоренности с США будут носить ситуационный характер, развитие экономического сотрудничества не будет осуществляться ценой национального достоинства или потери суверенитета.

То же самое можно сказать о китайской политической системе. Ее основные параметры были определены в начале реформ, каждый новый генеральный секретарь подтверждает, что этот курс неизменен. Монополия КПК на власть не оспаривается, что, конечно, не означает, что в сфере политики, идеологии, идейно-теоретической доктрине не происходят изме-

нения. 19 съезд КПК подтвердил это в полной мере. На нем были внесены фундаментальные изменения в идейно-теоретическую доктрину КПК – было провозглашено новое основное противоречие социализма, что открывает простор для дальнейшего масштабного развития теории. Этому, безусловно, будет способствовать и достижение провозглашенных целей по построению общества «сяокан» к 2021 г. Практические успехи китайских реформ делают не только их, но и их идеологическое обеспечение привлекательным на внешнем рынке во многих странах Азии и Африки, включая Центральную Азию. Китайский авторитаризм демонстрирует эффективность и жизненную силу, соответствует национальным традициям и современному положению множества государств. Успехи авторитарного Китая легитимизируют существование и сохранение авторитарных режимов в других странах, создают благоприятные предпосылки для распространения китайского опыта и китайского политической модели. Следует признать, что институциональный авторитаризм в Китае не только избавился от недостатков большинства авторитарных режимов в истории, но и на практике доказал свою эффективность, по крайней мере, при ликвидации бедности и построении индустриальной экономики – задач, стоящих перед большинством развивающихся стран мира.

Ю.М. Галенович. Соперничество с США всегда было составной частью глобальной стратегии Мао Цзэдуна и его последователей. Американцы, начиная со времен президентства Никсона, были введены в заблуждение и заблуждались. Они опомнились только несколько лет тому назад. Отношения Америки и Китая будут развиваться в зависимости от политики руководства Китая, которое получило 90 дней для того, чтобы определить свою позицию в ответ на требования США в ходе первого раунда торговой войны.

Речь в КНР идет не о проведении реформ, а об осуществлении руководством Китая своей глобальной стратегии. США потребовали изменить практику политики в отношении США. Стороны пока взяли паузу и не делают новых шагов.

В КНР только в «золотое десятилетие реформ», то есть в 1980-х гг., генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян, председатель ПК ВСНП Вань Ли были подлинными инициаторами и поборниками осуществления реформ. Затем Дэн Сяопин путем интриг устранил подряд двух генеральных секретарей ЦК КПК, применил военную силу против мирных демонстрантов, выстулавших за демократию, прервал на несколько лет проведение экономических реформ и не допустил осуществ-

вления политических реформ. Далее последовал период восстановления основных параметров политического режима, созданного при правлении Мао Цзэдуна. Параллельно продолжилось осуществление политики, направленной на создание мощного глобального военного, экономического и политического потенциала КНР.

Таким образом, Мао Цзэдун «поднимал» свой «Новый Китай»; Дэн Сяопин «обогащал» его; Си Цзиньпин занимается его «усилением». Нынешнее руководство КПК-КНР, продолжая глобальную стратегию Мао Цзэдуна, исходит из уверенности в том, что их государство накопило достаточно сил для того, чтобы активно осуществлять свою глобальную стратегию по всем направлениям и во всех областях. В мире возникла новая ситуация. Существует не только глобальное противостояние Америки и Китая, но и возникает глобальное противостояние КПК-КНР и остального человечества.

Т.е. в настоящее время имеет место не торговая война, а всестороннее осуществление руководством КПК-КНР своей глобальной стратегии. То, что происходит в сфере торговли, это составная часть осуществления упомянутой стратегии. Глобальная стратегия Мао Цзэдуна и его последователей направлена на то, чтобы их государство заняло главное место в мире в политическом, экономическом и военном отношении. Действия в области технология и науки являются частями такой стратегии.

Конечно, Китай нуждается в изменении существующего политического режима. Попытки двинуться в этом направлении делались в 1980-х гг. Ху Яобаном, Чжао Цзяном, Вань Ли. Политика при руководстве Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао являлась своего рода попыткой продолжения движения в сторону согласования интересов людей внутри Китая и интересов китайцев и людей других стран на мировой арене. Политика при руководстве со стороны Си Цзиньпина имеет своей целью «Великое Возрождение Великой Нации Китая», что на практике означает постепенное навязывание своего господства остальному человечеству.

Сегодня руководящими идеями в КПК-КНР являются иррациональный эгоизм и эгоцентризм, «имя» Мао Цзэдуна, а также политические установки нынешнего «великого лидера» Си Цзиньпина. Все это проявления современного китайского гиперационализма.

В Китае не принят термин «модель», поэтому говорить о «китайской модели» и ее применимости не стоит. У России и Китая нет точек соприкосновения, если говорить об образе жизни и образе мыслей в той и в другой стране. Руковод-

ители КПК-КНР в настоящее время полностью оправдывают единственное во второй половине прошлого века военное нападение на нашу страну и наш народ из-за рубежа, на границе, то есть войну против нас, подготовленную и начатую исключительно по воле Мао Цзэдуна. Между двумя государствами подписаны соглашения о прохождении линии границы, но нет договора о границе, а во время пограничных консультаций китайская сторона заявляла, что вслед за соглашениями о прохождении линии границы будет готовиться договор о границе. Таким образом, вопрос о том, что в КПК-КНР именуется «утраченными территориями», продолжает оставаться не решенным.

Осуществление глобальной стратегии нынешнего руководства КПК-КНР предполагает привлечение на свою сторону всех возможных сил в мире, подчинение их своим интересам. В мире может нарастать сопротивление этим действиям руководства КПК-КНР. Остальное человечество могло бы побуждать руководителей КПК-КНР изменить свою глобальную стратегию и согласиться с тремя главными принципами нынешних международных отношений: (1) вечный мир, (2) абсолютная самостоятельность или независимость каждого субъекта международных отношений, (3) их полное равноправие.

Е.Н. Румянцев. По очевидным причинам в центре нашей дискуссии находится проблематика китайско-американских отношений. Коллеги уже поставили вопрос о новом этапе в их развитии и его возможной датировке. В связи с этим хочу предложить такую дату, как 4 октября 2018 года.

Напомню, что в этот день вице-президент США М. Пенс выступил с речью об американско-китайских отношениях и политике действующей американской администрации в этом вопросе. Это второй случай в истории США, когда один из высших руководителей страны целиком посвящает речь Китаю. В 1841 г. с речью о Китае выступил к тому времени уже бывший (занимал высший пост в 1825-1829 гг.) президент США Дж. К. Адамс.

Главный смысл «послания» М. Пенса состоит в провозглашении и обосновании «нового подхода» США к Китаю. В начале он обратился к истории, особо подчеркнув, что, «когда Китай переживал период унижений и эксплуатации во времена так называемого “столетия позора”, Америка отказалась в этом участвовать...»³. Та-

³ Здесь и далее цит. по: Remarks Delivered by President Mike Pence on the Administration's Policy towards China at Hudson Institute on October 4, 2018. Mode of access: <https://www.hudson.org/events/1610-vice-president-mike-pence-s-remarks-on-the-administration-s-policy-towards-china102018>

ким образом, США дистанцируются от политики стран Западной Европы, России и Японии в Китае второй половины 19-го века. В то же время, они не признают и постановку китайской стороной вопроса о «столетии позора»⁴ (упоминание о нем предвзвешено словами «так называемое»), за которое другие страны еще, дескать, «не вернули долга» Китаю.

Переходя к дню нынешнему, вице-президент заявил, что США «стремятся к отношениям, основанным на справедливости, взаимности и уважении суверенитета». По его словам, «президент Трамп с самого начала придал отношениям с Китаем и председателем Си Цзиньпином приоритетное значение», наладил с китайским лидером «прочные личные отношения». Они «тесно сотрудничали по вопросам, представляющим взаимный интерес, самый важный из которых – это денуклеаризация Корейского полуострова».

Однако, заявил М. Пенс, «американский народ заслуживает того, чтобы знать, что Пекин с использованием всех возможностей, имеющихся в распоряжении китайского государства, применяя политические, экономические и военные инструменты, а также широко ведя пропаганду, продвигает свое влияние и преследует свои интересы в Соединенных Штатах». Таким образом, речь идет не только о внешнеполитическом или торговом соперничестве. Впервые вопрос поставлен о вмешательстве Пекина во внутренние дела США. А апелляция к американскому народу означает, что дело зашло уже далеко.

После «падения» Советского Союза, сообщил вице-президент, американцы «исходили из неизбежности появления свободного Китая». Именно поэтому «Америка согласилась предоставить Пекину полный доступ в свою экономику и дала согласие на вступление КНР во Всемирную торговую организацию. В результате за прошедшие 17 лет⁵ китайский ВВП увеличился в 9 раз. При этом, утверждал Пенс, «наибольшая часть экономических достижений Китая была обеспечена американскими инвестициями». Он процитировал Трампа, сказавшего неделей раньше, что за последние 25 лет США «восстановили Китай» (*rebuilt China*).

«КПК, – продолжил Пенс, – использовала целый арсенал методов, несовместимых со свободной и справедливой торговлей, включая таможенные пошлины, квоты, валютные манипуляции, принуждение к передаче технологий, кражу интеллектуальной собственности, субсидии сво-

им промышленным предприятиям». Именно использование подобных методов «позволило Пекину создать промышленную базу», причем «за счет его конкурентов и, особенно, Америки».

В связи с программой «Сделано в Китае – 2025» М. Пенс заявил о намерении КПК «поставить под свой контроль 90% наиболее передовых отраслей мировой промышленности». При этом, «что хуже всего – это то, что китайские спецслужбы организовали масштабное воровство американских технологий, включая новейшие военные разработки».

Таким образом, «Америка надеялась на экономическую либерализацию», однако Китай «выбрал экономическую агрессию». И, «хотя Пекин демонстрирует на словах свою приверженность “реформам и открытости”, эта знаменитая политика Дэн Сяопина сейчас выхолощена».

Пожалуй, одним из самых серьезных обвинений в адрес Китая является выдвинутое далее вице-президентом обвинение в адрес лично Си Цзиньпина в том, что он обманывает США. По словам М. Пенса, в 2015 году, «стоя в Розовом саду Белого дома, лидер Китая сказал, что его страна не имеет намерений осуществлять милитаризацию Южно-Китайского моря, однако в то же самое время Пекин развернул на базах, созданных на искусственных островах в этом море, новейшие противокорабельные ракеты и ракеты ПВО». В связи с этим М. Пенс заявил, что «нас не запугать, и мы не отступим». Таким образом, вырисовывается перспектива гонки вооружений между США и КНР.

Затем были озвучены оценки, согласно которым в КНР строится «не имеющее аналогов в мире» полицейское государство, в котором граждане находятся под контролем властей, не имеют свободного доступа к информации, подвергаются гонениям по религиозному и национальному признакам. При этом, «история свидетельствует, что страна, угнетающая собственный народ, редко на этом останавливается». Применительно к Китаю это выражается в проводимой им «долговой дипломатии», принуждении все новых стран к разрыву дипломатических отношений с Тайванем, что «угрожает стабильности в Тайваньском проливе».

«Китай, – заявляет Пенс, – продвигает свои стратегические интересы по всему миру с растущими интенсивностью и изощренностью». Однако прежние американские администрации «практически полностью игнорировали действия Китая и даже содействовали им. Однако это время закончилось». Это означает, что в Америке признали наличие у Китая глобальной стратегии. До последнего времени США неправильно

⁴ Согласно проповедуемым в КНР взглядам, оно началось с «опиумной войны» 1840 г. и закончилось с приходом к власти в Китае в 1949 г. КПК.

⁵ КНР вступила в ВТО в 2001 г.

оценивали стратегическую обстановку в мире, а с приходом Д. Трампа они начали пересматривать свои представления о Китае и его политике. Следствием этого и стал резкий поворот в политике США по отношению к КНР.

М. Пенс утверждал также, что в результате проводимых действующей администрацией США мероприятий курсы акций в КНР за первые 9 месяцев 2018 г. упали на 25%. В ответ, заявил он далее, «Пекин ведет всеобъемлющую скоординированную кампанию с целью лишить поддержки президента США, ... разрушить наши самые ценные идеалы». С этой целью «КПК с помощью поощрений либо принуждения заставляет действовать в нужном ей направлении американские деловые круги, киностудии, университеты, аналитические центры, ученых, журналистов, чиновников местных органов власти, штатов и федеральных учреждений» США. Все это – факты, – подчеркивает Пенс – в том числе полученные спецслужбами. И «то, что делают русские, бледнеет в сравнении с тем, что творит в США Китай». «Если говорить прямо, – подытоживает он свои рассуждения, – лидерство президента Трампа работает; и Китай хочет, чтобы у Америки был другой президент».

М. Пенс пообещал, что нынешняя администрация «и дальше будет решительно действовать в защиту американских интересов, американских рабочих мест и безопасности Америки». Он, в частности, заявил, что «все большее число американских университетов и аналитических центров находят в себе мужество отказаться от легких денег из Пекина, понимая, что предоставление каждого доллара сопровождается соответствующими требованиями».

В заключение вице-президент привел положение из Доктрины национальной безопасности США 2017 г., согласно которому «конкуренция не всегда означает враждебность». Он также заявил, что «сегодня Америка протягивает Китаю руку, и мы надеемся, что Китай вскоре протянет руку в ответ, но не на словах, а на деле, и с новым уважением к Америке».

Речь вице-президента США насыщена фактами, в том числе малоизвестными, иллюстрируется примерами из истории Китая, цитатами из китайской литературы. Она подготовлена высококомпетентными китаеведами во главе с руководителем Центра изучения стратегии Китая Гудзоновского института Майклом Пилсбери и спичрайтерами Белого дома. В ходе выступления Пенс дважды обращался к М. Пилсбери, а несколько ранее Трамп назвал М. Пилсбери «ведущим авторитетом по Китаю». Это говорит о том, что высшие руководители США лично знают

ведущих американских китаеведов, читают разрабатываемые ими документы, научные работы, опираются на их знания при планировании политики в отношении Китая.

В некоторых источниках сообщалось, что при подготовке речи Д. Трамп вместе с М. Пенсом внимательно изучал каждую строчку ее текста⁶. Эта речь, как заявил на условиях анонимности некий сотрудник Белого дома, «на 100% выражает мнение президента США, здесь не должно быть никаких вопросов»⁷. Сам Пенс в начале выступления передал присутствующим привет от президента. Это означало, что он будет не делиться своими личными соображениями, а изложит позицию действующего военно-политического руководства США. На наш взгляд, речь отражает и консолидированное мнение всей правящей американской элиты. Об этом, в частности, говорит тот факт, что вопрос об отношении к Китаю не играл сколько-нибудь существенной роли на недавних промежуточных выборах. Более того, эта позиция отражает и настроения большинства рядовых американцев, которые тонко и своевременно уловил Трамп.

Видимо, как бы ни развивались американско-китайские отношения в дальнейшем, после речи Пенса они уже не будут такими, как прежде, то есть со времени визита в Пекин Р. Никсона в 1972 г. В этом смысле данная речь является документом исторического значения. Было бы полезно проанализировать ее с точки зрения реальностей политики Пекина в отношении России.

Т.Н. Юдина. Во-первых, истинного сотрудничества между КНР и США в течение последних четырех десятилетий (1978-2018 гг.) не было и не могло быть, как говорят, по определению. Почему? – Разный менталитет народов и элит этих стран: прежде всего, для народа Китая принцип справедливости на протяжении всей истории цивилизации Поднебесной был и остается основополагающим, а для элиты Североамериканских Штатов Америки этим принципом является англо-саксонская выгода, денежный интерес. Ведь была же попытка создания т.н. Чимерики. Как известно, она провалилась. Вспомним высказывание Зб. Бжезинского о том, что разрушая Советский Союз, США проглядели Китай. Настоящее всеобъемлющее сотрудничество возможно между теми странами и народами, которые имеют здоровые цивилизационные скрепы, напри-

⁶ China Still Poring Over Little-Noticed Pence Speech Weeks Later // *Bloomberg News*, October 27, 2018.

⁷ Groppe, Maureen; Shesgreen, Deirdre. Vice President Mike Pence Expected to Take Tough Line on China as He Heads to Asia // *"USA TODAY"*, November 9, 2018.

мер, принцип справедливости, сотрудничества, именно справедливости, а не т.н. равенства.

Правда, можно назвать эпоху «реформ и открытости» Дэн Сяопина вплоть до этапа торговой войны 2018 г. между США и Китаем в контексте китайско-американских отношений в некотором смысле как период сотрудничества. Однако это сотрудничество в области китайско-американских экономических отношений было неполноценным, не всеобъемлющим; оно основывалось на принципе «дружбы против третьей стороны», «общей борьбы против гегемонизма», в данном случае против СССР. Действительно, в большой игре «камнем в воде» была политическая и дипломатическая стратегия Дэн Сяопина использования противоборства СССР и США как двух ядерных сверхдержав. Еще Мао Цзэдун начал большую игру с США, он заложил основы не всеобъемлющего сотрудничества, а именно заигрывания с американской администрацией. Он санкционировал тайные встречи с Генри Киссинджером. В результате этого еще в 1972 г. произошел известный визит президента США Ричарда Никсона в КНР.

14 декабря 1978 г., т.е. за два дня до начала исторического третьего Пленума КПК XI созыва, открывшегося 16 декабря, было подписано коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и США. И уже в январь-феврале 1979 г. китайский «архитектор» реформы и открытости (*гайгэ кайфан*) посетил США. Вывод: можно сказать, что внешний контекст проведения реформ изменился, но не радикальным и не необратимым образом. Во-вторых, контекст проведения реформ в современном Китае изменился с приходом к власти Д. Трампа, проведением его политики – т.н. «трампономики», ориентированной не на глобализирующуюся экономику страны и мира, а на национальную экономику в рамках его президентских возможностей и амбиций. Особенно внешний контекст проведения реформ изменился и стал радикальным в 2018 г. в условиях торговой войны между США и КНР. В-третьих, внешний контекст проведения реформ в КНР изменился, но нельзя сказать, что он приобрел необратимый характер. Идет «большая игра» в условиях гибридной войны.

Ожидания Запада были необоснованными изначально, т.к. реформирующийся Китай в лице Дэн Сяопина и китайской элиты определили свою модель строительства «Китайского Дома» как модель построения социализма с китайской спецификой до 2049 г. на принципах «сяокан» (а значит, справедливости, а не потребительства и выгоды), социального рыночного хозяйства, опираясь на духовную многотысячную культуру

своего народа, выдвигая свои мудрые лозунги. Такими лозунгами были: «Не важно какого цвета кошка (капитализм или социализм, план или рынок), лишь бы кошка ловила мышей», «Реформы в обмен на технологии» и др. Мой совет американским политтехнологам: изучить хотя бы российские исследования, касающиеся духовной жизни Китая, а также труды отечественного энциклопедиста Д.И. Менделеева, касающиеся истинного Китая.

Реформаторская экономическая политика Дэн Сяопина уже отчасти стала частью истории, завершился этап «обогащения», легального и теневого. Но ведь обогащение, образование социального слоя богатых (миллионеров и миллиардеров, в том числе и красных миллиардеров-коммунистов) по Дэн Сяопину должно привести к образованию среднего класса, сокращению бедных, полной реализации политики «сяокан» в Китае. Исходя из этого можно констатировать, что процесс строительства общества среднестатистических китайцев не закончился, «обогащение» бедных и средних слоев населения продолжается. Начинается этап «усиления». Интересный факт: вступление Дзека Ма в ряды членов КПК.

Поскольку политика, внутренняя и внешняя, – концентрированное выражение экономики, то корни надо искать в экономике (с материалистической точки зрения, а если глубже, то – и в истоках духовной жизни Китая). Думается, что дело и не в «политике сокрытия возможностей» Дэн Сяопина, и не в «политике активных действий» Си Цзиньпина, а в реальных конкурентных преимуществах, успехах в целом реформирующейся экономики Китая как мировой экономической и технологической державы мира. Это – успехи прежде всего IT-сектора китайской экономики (именно здесь сегодня прежде всего идет борьба за то, «кто станет властелином мира»), Интернета+ и др. «Торговая война», дипломатическая, идеологическая, политическая, информационная и другие современные войны Китая и США, России и США, явные и скрытые, – это звенья большой гибридной, а точнее гуманитарной войны, которую сегодня ведут властвующие элиты США и против России, и против Китая для сохранения американской гегемонии в мире. Будет ли Китай пытаться вернуться к «сокрытию возможностей»? Принесет ли это ослабление напряженности? Да, Китай уже сегодня де-факто возвращается к «сокрытию возможностей». В «большой игре» как части гибридной и гуманитарной войны у Китая есть механизмы и инструменты «сокрытия возможностей».

Торговая война замедляет темпы роста экономики КНР. Это правильно, т.к. китайская, как

и любая национальная экономика, развивается в условиях глобализирующегося мир-хозяйства. Однако замедление темпов роста экономики КНР привело к выработке модели «новой нормы» (*синь чантай*). Достаточно ли у Вашингтона торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях? Явно недостаточно. Уже сегодня Соединенные Штаты Америки проиграли экономическую конкуренцию КНР. Сформировавшийся Юго-Восточный центр глобальной экономики в пять раз опережает темпы роста мировой экономики. Торможение экономики под давлением извне подталкивает китайские власти к поиску дополнительных рычагов стимулирования роста. Возможно, что это, во-первых, экономическая экспансия; во-вторых, дальнейшее строительство инновационного государства в КНР, в-третьих, дальнейшее международное экономическое сотрудничество, в том числе и в новом формате. Следует ли опасаться их негативного влияния на экономическое развитие Китая в отдаленном будущем? – Да, следует, т.к. страна столкнулась с неразрешимыми экологическими проблемами: ни земля, точнее почва, ни вода больше не могут самостоятельно восстанавливаться. Это сказывается уже сегодня на социально-экономическом положении Китая. Есть и другие опасения.

Китайские реформы строительства инновационного государства в целом, а частности структурные реформы, реформа «сделано в Китае», Интернет+ нацелены на обретение мирового лидерства в науке и технике. В условиях цифровизации решается вопрос: «кто станет властелином мира», поставленный В.В. Путиным перед детьми в «Сириусе» в 2017 г. За право стать «властелином мира» сегодня активно борются прежде всего США и КНР, их IT-компании.

Ответом на вопрос куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом – в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы, думается, является выдвинутый Си Цзиньпином еще в 2013 г. мегапроект «Экономический пояс шелкового пути», ныне – «один пояс, один путь», его лозунг «китайская мечта о великом возрождении», «великое возрождение великой китайской нации». Что касается дальнейшего пути КНР в условиях напряженности с Западом, то их несколько: это и расширение открытости и либерализации экономики, и увеличение автаркии в духе «опоры на собственные силы», либо сочетание вышеназванных двух направлений. Думается, что будут «цвести 100 цветов», что будет смешанная модель.

Политические реформы в Китае идут по-китайски (примеров много), об их «заморозке» говорят лишь западные аналитики. Практика социального рейтинга («цифрового» рейтинга), а именно практика всегда в Китае была единственным из критериев истины, покажет суть новой политической реформы в КНР. Продолжительность «политической заморозки» связана с проведением социального рейтинга, на мой взгляд. Внутренние факторы могут побудить китайское руководство к дальнейшему проведению политических реформ.

Можно утверждать, что период идейной открытости Китая внешнему миру еще не закончился. В дальнейшем могут меняться лозунги, но национально-утопическая парадигма строительства социализма с китайской спецификой вплоть до 2049 г. – юбилейного года – года 100-летия образования КНР, а также строительства общества среднего достатка «сяокан» до 2021 г. – года 100-летия КПК, – останутся неизменными. На китайские реформы влияют в наши дни марксистские, точнее, неомарксистские идеи, а также свои, конфуцианские, иные, которые по Е.Ф. Авдокушину позиционируются как национально-утопические; а также идеи потребительского общества, хотя провозглашались идеи строительства гармоничного общества.

Об общей значимости «китайской модели» развития не приходится говорить в широком плане, т.к. она выросла на китайской почве, исходя из основ китайской цивилизации, духовной жизни Поднебесной с учетом менталитета, мудрости китайского народа, а также заимствования советской модели НЭПа. В узком плане, в контексте инструментов, механизмов, элементов – да, можно говорить о ее значимости. Может ли она быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам? Каким другим странам: странам Африки, Центральной Азии, Латинской Америки, России? Каждая страна имеет институциональную матрицу. В рамках своей особенной институциональной матрицы можно реагировать на попытки заимствования «китайской модели» странами постсоветского пространства

В настоящее время наблюдается кризис лидерства в современном мире. Создается одновременно и видимость (симулякр) нового экономического «полюса» современного мира вокруг Китая, и база формирования вокруг Китая этого нового экономического «полюса» современного мира. Подтверждением тому являются мегапроект «один полюс – один путь», создание и развитие организаций ШОС, БРИКС, банков АБИИ и БРИКС, активная инвестиционная политика КНР в Африке, Латинской Америке, Центрально-

Азиатских государствах, др. Какие выгоды и проблемы ждут тех, кто будет пытаться присоединиться к этому новому экономическому «полюсу» современного мира? Ответы на этот вопрос могут быть разные: во-первых, никакие; во-вторых, позитивные (инфраструктурные, например), в-третьих, негативные (в отношении не цивилизационной эксплуатации природных ресурсов и др.)

С.А. Луконин. Идеологически Китай никогда и не был «своим». Так называемое «сотрудничество» выражалось в том, что Китай интегрировался в мировую экономику соблюдая уже установленные «Западом» правила и успешно используя существующие механизмы в свою пользу. Т.е. скорее, это было не китайско-американское сотрудничество, а взаимовыгодная экономическая кооперация по отдельным направлениям.

На мой взгляд, внешний контекст не изменился, в целом, капитализм и его основные компоненты остались прежними. Следовательно, и конкуренция никуда не исчезла, а лишь обострилась. Трудно предположить, что Китай не понимал этого и рассчитывал на благоприятные условия для своего развития, а также верил в свои же формулы типа «выиграть-выиграть», «гармоничного сосуществования» и т.п. Поэтому: «контекст» не изменился радикальным образом, а ситуация обратима в том смысле, что острота конкуренции может быть снижена, если США и Китай, в итоге, договорятся, а точнее, если Китай примет обновленные правила игры.

На мой взгляд, Китай, по крайней мере в экономике, по-прежнему идет по пути либерализации. Думаю, что говорить о «повороте» в процессе китайских реформ преждевременно. С исторической точки зрения прошло слишком мало времени для окончательного ответа куда Китай идет в сторону либеральной рыночной экономики или куда-то еще. Такие факторы как растущий средний класс, увеличение источников экономической инициативы и т.п. находятся в процессе своего развития и становления. Исходя из этого, в будущем Китай, скорее всего, столкнется с противоречием между политической и экономической системами.

В конце 2018 г. – начале 2019 г. в китайской информационной среде с новой силой возобновилась дискуссия о роли частного бизнеса в экономике Китая (в целом дискуссии о балансе между капитализмом и социализмом ведутся постоянно, периодически обостряясь, в период «не легкой годинь»). Некоторые российские китаеведы, особенно старшего возраста, также являются сторонниками тезиса о постепенной социализа-

ции китайской экономики и часто в подтверждение своих убеждений приводят слова самих Си Цзиньпина и Ли Кэцяна (что, правда, в принципе противоречит 40-летнему периоду открытости и поощрения частной инициативы). В этот раз дискуссия вышла в массы – в китайском сегменте Интернета было опубликовано анонимное письмо о том, что частный бизнес «сделал своё дело, частный бизнес должен уйти» в пользу крупных государственных компаний. Ожесточенные споры достигли такого уровня, что Си и Ли пришлось давать разъяснения.

Си во время своего тура по северо-восточному Китаю в очередной раз подтвердил, что правительство «будет и впредь неизменно поддерживать развитие частного сектора китайской экономики». В принципе возмущение частных предпринимателей нарастало с момента обострения отношений с США. Многие представители частных компаний неофициально заявляют, что сейчас они находятся в тяжелейших, со времен поездки Дэн Сяопина на юг Китая в 1992 году, условиях. Подчеркивают недостаточный уровень юридической защиты предпринимательства и отсутствие стимулов к развитию, резкое снижение заказов со стороны компаний, работающих на экспорт в США и обострение конкуренции за такие заказы со стороны компаний, работающих на другие экспортные направления. Представители частных компаний говорят, что на самом деле это они основные пострадавшие от политики сокращения избыточных производственных мощностей, от неравномерного доступа к кредитам и обострения противоречий с США. Конечно, можно предположить, что такие дискуссии – это информационная кампания, которая является отражением ужесточения конкуренции за государственные финансовые ресурсы (пирог становится меньше, а ртов осталось прежнее количество).

Позднее, Лю Хэ – советник Си по экономике, в интервью одному из ведущих китайских деловых изданий «Цай Синь» (财新) указал на важность частных компаний для Китая и отметил, что он выступает резко против формулы, получившей распространение в отдельных кругах китайского общества «государство наступает, частный сектор отступает». По мнению Лю – это «однобокое и неправильное представление», а Китай должен балансировать между поддержкой роста и обеспечением финансовой стабильности с учетом интереса и государственных, и частных компаний. Кроме того, Лю отметил следующее.

– Реформа спроса-предложения не закончена, её необходимо углубить.

– Основные задачи для китайской экономики: жизнеспособность, устойчивость и инновации.

– Необходимо способствовать развитию частного сектора, предоставлять ему доступ к финансам и снижать ограничения в его работе.

– Нужно продвигать реформу госпредприятий с целью развития структур смешанного владения, что придаст стимул к их развитию и повышению конкурентоспособности.

– Финансовая система должна обеспечивать развитие реального сектора экономики.

– Рынок капитала должен усилить свою роль и стать основным источником капитала.

– Трудно предсказать результаты трансформации Китая т.к. идет процесс маркетизации экономики.

– Значимый стимул развития китайской экономики – растущий средний класс, чьи потребности разнообразны и велики.

– Значимый негативный тренд – старение населения.

– Приоритеты: технологическая и информационная революция, а также «зелёное» развитие.

В принципе, отрицать важность частных компаний для Китая достаточно странно: они потребляют 40% ресурсов, обеспечивают более 50% налоговых выплат, их вклад в китайский ВВП составляет 60%, они обеспечивают работой 80% работоспособного населения, производят 70% инноваций. По состоянию на конец 2017 г. в Китае насчитывалось более 27 млн частных компаний, стоимость их активов составляла примерно 24 трлн долларов США.

В продолжение дискуссии о взаимоотношениях с частным бизнесом китайские власти объявили т.н. политику «соревновательного нейтралитета», которая предполагает создание равных условий для развития частного и государственного секторов экономики. Китай будет придерживаться и стремиться к определению термина «соревновательного нейтралитета», которое дала Организация экономического сотрудничества и развития.

На уровне пропаганды, Китай уже вернулся к политике «сокрытия возможностей». Например, используется термин «торгово-экономические трения с США» вместо «торговой войны с США». Тем самым китайские власти стараются не усиливать возмущение общественного мнения внутри Китая, оставляя пространство для маневра в переговорах с Америкой. Схожий характер носит и распоряжение сократить частоту упоминаний программы «сделано в Китае 2025» в СМИ.

Вместе с тем, успешность «сокрытия» под вопросом – в своем развитии Китай вышел на уровень, когда дальнейшее развитие националь-

ной экономики возможно, почти по всем направлениям, в основном за счет внешней экономической экспансии, которую невозможно «сокрыть». Например, как реализовывать инициативу «Один пояс, один путь»?

Торговая война, с одной стороны, замедляет темпы роста экономики КНР, а с другой – по итогам 2018 г. профицит Китая в торговле с США может увеличиться на 10% по сравнению с 2017 г. и составить более 410 млрд долларов. Одно из объяснений – американские компании закупают товары «в прок» рассчитывая минимизировать потери или заработать в случае окончательного введения повышенных пошлин.

У США рычагов достаточно и, главный из них – это общее взаимодействие с Китаем по вопросам, например, реализации инициативы «Одного пояса, одного пути». Китаю для развития и реализации своих проектов необходимо положительное отношение к ним США.

Китай по-прежнему уязвим по фактору новых технологий и зависит от США на 27%, от Японии на 17%, от Германии на 11%. И это несмотря на серьезные попытки форсировать развитие национальной науки и инноваций. Интересно, что единственные целевые показатели в пятилетнем плане социально-экономического развития КНР на 2011-2015 гг. которые остались невыполненными в полном объеме – это увеличение финансирования НИОКР. Цель – 2,2% от ВВП, достигли только 2,1%. Важно отметить, что 0,1% п.п. не так мало – 100 млрд долларов. В Плане на 2016-2020 гг. цель – 2,5% и есть сомнения, что показатель будет достигнут т.к. темпы прироста финансирования НИОКР в первые два года пятилетки прибавили только 0,07 п.п. по сравнению с аналогичным периодом предыдущей пятилетки. Даже при том, что финансирование в денежном эквиваленте велико и составило в 2017 г. 254 млрд долл. (второе место в мире после США) по показателям расходов на науку от ВВП Китай находится позади Японии (3,5% ВВП), Германии (2,9% ВВП) и самих США (2,8% ВВП).

Скорее всего, ужесточение противостояния с США ускорит либерализацию китайской экономики: для успешного противостояния, Китаю выгодно еще глубже интегрироваться в мировую экономику, чтобы сделать санкции США невозможными или неэффективными. А для более глубокой интеграции, нужна либерализация.

Внутрикитайская финансово-экономическая политика в 2019 г. будет направлена с одной стороны на поддержку экономики и, с другой, на обеспечение стабильности финансовой системы. Фактически основная задача китайских властей в будущем году – это найти баланс между сти-

мулированием экономического роста и его же ограничением для снижения долговой нагрузки китайских провинций и компаний.

В 2019 г. экономическая ситуация в Китае будет стабильной: «жесткой посадки» в очередной раз не произойдет. Однако значительное негативное влияние на темпы развития китайской экономики, конечно, будут оказывать торгово-экономические «трения» с США, а также постепенно активизирующееся противодействие китайской экономической экспансии в ведущих странах ЕС. Кроме того, слишком активные действия самих китайских властей при решении внутренних экономических проблем также могут привести к кратковременным негативным, но не фатальным, последствиям.

В целом, совокупность внутренних и внешних вызовов может привести к дополнительному сокращению темпов прироста китайского ВВП по итогам 2019 г. на 0,5 – 1,0 п.п., однако, даже в таком случае этот показатель составит примерно 5,5-6,0%. Поддержку, по-прежнему достаточно высоким темпам развития китайской экономики, обеспечат активные действия китайского правительства, направленные на компенсацию потерь от негативных факторов.

К таким действиям в будущем году можно отнести в целом дальнейшую либерализацию экономики и поддержание стабильности финансовой системы и, в частности, увеличение финансирования проектов в рамках Пояса и Пути, расширение экономического сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии, Африки, Латинской Америки, Индией и Россией, а также активизацию переговоров о заключении соглашений о свободной торговле, в т.ч. с Сингапуром, Японией и Южной Кореей.

Главной «головной болью» для Пекина в 2019 г. останутся отношения с США. Сейчас Китай прибегает к тактике затягивания переговоров в надежде на изменение внутривнутриполитической ситуации в США и, соответственно, изменение американской внешней политики. Эксперты предупреждают, что эффект от «трений», в случае их продолжения, в следующем году будет гораздо серьезнее, чем по итогам 2018 года.

Например, главный экономист по Китаю японской инвестиционной компании *Nomura* Лю Тин считает, что темпы прироста китайского экспорта, в случае сохранения негативных экономических отношений с США, сократятся по итогам 2019 г. примерно до 5,5%, что потянет за собой вниз и темпы прироста китайского ВВП примерно на 0,8 процентных пункта.

Главный экономист *UBS Investment Bank* Ван Тао делает еще более пессимистичный

прогноз – темпы прироста китайского экспорта по итогам следующего года могут сократиться примерно до 4%. Дополнительный негативный эффект будут оказывать внутренние экономические тенденции: сокращение инвестиций в экспортный сектор экономики, вероятное, еще большее замедление рынка недвижимости из-за многолетней практики китайских властей по его охлаждению.

Вместе с тем, китайские внутренние экономические тенденции могут быть и позитивными. Примерно в середине 2018 г. китайские власти начали активные действия по стимулированию экономики и, учитывая временную задержку, её результаты могут быть достигнуты в середине – конце 2019 года. В первой половине 2018 г. Пекин, скорее притормаживал экономику для исправления дисбалансов в разных секторах. Например, темпы прироста государственных расходов на инфраструктурные проекты в первой половине 2018 г. сократились до 7,3% по сравнению с 21,1% в первой половине 2017 года.

Согласно планам Пекина, в экономике будет реализовываться активная фискальная политика, которая предполагает снижение прямых и косвенных налогов, а также расширение прав провинциальных властей по выпуску долговых ценных бумаг с целью поддержания инвестиций в основные фонды. По мнению главного экономиста китайской *Haitong Securities* Цзян Чао в связи с ослаблением государственного контроля за выпуском провинциями долговых ценных бумаг их денежный объем может составить в 2019 г. примерно от 290 до 360 млрд долл. (по оценке этого же эксперта соответствующий показатель в 2018 г. составлял примерно 200 млрд долл.).

В настоящее время проводится настройка монетарной политики с целью увеличения объема кредитования малых и средних частных предприятий. Желаемый для Пекина результат такой настройки – выравнивание дисбаланса между долями государственных и частных компаний в общем объеме предоставленных кредитов. С высокой долей вероятности будет продолжен курс на либерализацию и дальнейшее открытие китайской экономики, продолжение реформы государственных предприятий, на усиление защиты интеллектуальной собственности и поддержку частного сектора экономики. В т.ч. как реакция на внешнюю критику и признание значимой роли иностранных компаний в китайской экономике власти начали обсуждение поправок в закон, который защищает интересы иностранных инвесторов и гарантирует им равный с китайскими компаниями доступ на китайский рынок, а также защищает их от «силовой» передачи технологий.

Планируется увеличение дефицита государственного бюджета до более чем 3% (в 2018 г. – 2,6%), а также снижение налогов на общую сумму примерно 220 млрд долларов. НДС для производственных предприятий уже снижен с 17% до 16%, в других отраслях с 11% до 10%. По мнению властей, это поможет сэкономить предприятиям около 75 млрд долл. уже по итогам 2018 финансового года.

Интересен подход китайских властей к регулированию «серого/теневого» сектора во время негативной экономической ситуации: Председатель Народного банка КНР (ЦБ) И Ган заявил: «несмотря на то, что теневой банковский сектор – это основная сфера где накапливаются риски, это не всегда полностью негатив, т.к. теневой банковский сектор может поддерживать финансовые рынки до того момента пока операции являются законными».

Дефицита ликвидности не ожидается – темпы прироста объема выданных кредитов могут составить около 10-11%. Вероятно, ЦБ Китая пойдет на очередное снижение требований к объему резервов банков в 2019 году. Основная цель, как уже было сказано выше, увеличить финансовую поддержку в форме кредитов частных средних и малых предприятий. Основными проводниками финансирования, как предполагается станут, частные и сельские банки.

Наряду с финансовым сектором, рынок недвижимости вызывает серьезные опасения китайских властей. Первые признаки его замедления начались еще в третьем квартале 2018 г.: в сентябре 2018 г. темпы прироста инвестиций в недвижимость снизились с 9,2% в августе до 8,9% в сентябре. Также в сентябре 2018 г. снизился и объем продаж на 3,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Вместе с тем, падение рынка не ожидается – в Китае развитие сектора недвижимости носит ярко выраженный циклический характер, который связан с политикой властей по его охлаждению или стимулированию. Последнее «закручивание гаек» началось в 2016 г. в связи с борьбой со спекуляциями. Обычно в случае негативных показателей на протяжении шести месяцев подряд власти ослабляют регулирование: снижение ипотечных ставок, налога на второе жилье, размер первоначального взноса при покупке второго жилья и т.д. Предполагается, что во втором-третьем квартале 2019 г. рост возобновится. Относительно недвижимости в городах т.н. первого пояса опасений нет вообще (падение продаж не прогнозируется).

По словам И Гана главное противоречие в экономике, которое властям предстоит решить

в 2019 г. с одной стороны, мягкая монетарная политика (в т.ч. снижение учетной ставки), с другой, она не может быть чрезмерно мягкой т.к. может спровоцировать дальнейшее ослабление юаня (соответственно, повышение уровня инфляции). Возможно, власти Китая попытаются раздавать деньги адресно и сохранить размер учетной ставки на некоем приемлемом уровне.

Китай не станет неоспоримым инновационным лидером в мире, но прорывы по отдельным направлениям будут. Прежде всего, прорывов следует ожидать в сферах связанных с реализацией крупных инфраструктурных проектов или в сферах, где Китай не присоединился к мировым ограничениям этического характера, например, телекоммуникации, энергосбережение и энергоэффективность, биоинженерия, редактирование генома, искусственный интеллект и т.п.

Китай уже не может опираться только на собственные силы. Для дальнейшего развития Китаю необходима внешнеэкономическая экспансия, которую невозможно реализовывать при автаркии.

На мой взгляд, Китай не предложил новой модели – это рыночная экономика с госсектором. Да, можно выделить «китайскую модель» как переход от плановой экономики к рыночной, однако, заимствовать уже нельзя. Успех Китая – это не использование какой-либо модели, а благоприятные условия на начальных этапах экономического развития: низкая заработная плата, отсутствие, до недавнего времени, издержек на экологию, безопасность труда, социальную сферу и т.п., низкие логистические издержки. Подтверждение сказанному – большая разница в уровне и качестве развития восточных провинций и всего остального Китая.

Вокруг Китая Уже формируется и будет формироваться новый экономический «полос» современного мира. Китай – крупнейший источник капитала и импортер ресурсов и продукции. Стандартные проблемы центра и периферии. Преимущество – отсутствие политических требований в краткосрочной и среднесрочной перспективах.

*Материал к публикации
подготовлен А.Д. Воскресенским*

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

ROUNDTABLE “PROSPECTS OF CHINESE REFORMS IN A CHANGED WORLD”

PART I: “EXTERNAL CONTEXT OF REFORMS,
CHINESE-AMERICAN RELATIONS,
DISCUSSIONS ON ECONOMIC LIBERALIZATION
AND EVALUATION OF REFORMS DEEPENING IN CHINA”

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">15.01.2019</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">13.04.2019</p> <p>Key words: China; PRC; reforms; external context of reforms; China-US relations; liberalization; openness; China development</p>	<p>Abstract: The Editorial Board of <i>Comparative Politics Russia</i> publishes the proceedings of the roundtable “Prospects for Chinese Reforms in a Changed World.” Part I: “External Context of Reforms, Chinese-American Relations, Discussions on Economic Liberalization and Evaluation of Reforms Deepening in China,” devoted to the whole range of issues related to the results and prospects of the 40-year period of reforms and openness policy in the PRC.</p> <p>Researchers from the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, The Peoples’ Friendship University of Russia, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, General Staff Academy of the Russian Federation’s Armed Forces, The Russian Institute for Strategic Studies, Lomonosov Moscow State University.</p> <p>Leading Russian experts discussed the external context of the reforms, the nature of economic liberalization, the consequences of the rejection of “hiding capacity”, the possibility of easing tensions in Chinese-American relations, China’s “capitulation” on American terms, as well as prospects for economic reforms in China and Chinese economic development in the distant future.</p>
---	---

Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski

Для цитирования: Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть I: «Внешний контекст реформ, китайско-американские отношения, дискуссии об экономической либерализации и оценка процесса углубления реформ в Китае» // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 99-117.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

For citation: Kruglyy stol «Perspektivy kitayskikh reform v izmenivshemysya mire». Chast' I: «Vneshniy kontekst reform, kitaysko-amerikanskiye otnosheniya, diskussii ob ekonomicheskoy liberalizatsii i otsenka protsessya uglubleniya reform v Kitaye» (Roundtable “Prospects of Chinese Reforms in a Changed World.” Part I: “External Context of Reforms, Chinese-American Relations, Discussions on Economic Liberalization and Evaluation of Reforms Deepening in China”). // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 99-117.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019